

Александр Рожин

Один среди равных

Персональная выставка произведений Макса Бекмана (1884–1950), демонстрировавшаяся в Старой Национальной галерее Берлина с декабря 2005 по март 2006 года, для многих зрителей заново открыла творчество этого ярчайшего представителя немецкой художественной культуры первой половины XX века.

Уроженец Лейпцига, он получил профессиональное образование в Веймарской высшей художественной школе, где встретил своего единомышленника и спутницу жизни, ставшую вскоре его супругой, Минну Тюбе. Одной из особенностей берлинской экспозиции работ мастера был одновременный показ и малоизвестных полотен Минны Бекман-Тюбе,

Perseus. 1941
Триптих
Холст, масло
150×55, 150×110,
150×55

Perseus. 1941
Триптих
Oil on canvas
150 by 55, 150 by 110,
150 by 55 cm

обладавшей незаурядными способностями и являвшейся любимой моделью живописца.

Уже в 1903 году одолеваемый стремлением к расширению своего творческого кругозора Макс Бекман предпринял путешествие в Париж, а затем в Женеву. После этой поездки он поселяется в Берлине и активно участвует в художественной жизни столицы Германии, знакомится с видными деятелями культуры, создателями берлинского Сецессиона Максом Либерманом и Ловисом Коринтом, мастерами, оказавшими значительное влияние на его раннее творчество. На Бекмана обращают внимание, он становится заметной фигурой в немецком искусстве. В 1906 году молодой автор выразительных, во многом сентиментальных портретов, исполненных живого чувства и внутреннего движения пейзажей был удостоен премии «Вилла-Романа» и получил

стипендию для поездки во Флоренцию. В 1910 году его избирают членом правления берлинского Сецессиона. В это же время устраивается первая выставка работ художника и издается монография о его творчестве. Но Бекману становится тесно в рамках изживающего себя стиля, мастера постигает разочарование и в своих недавних кумирах. В 1911 году он выходит из правления берлинского Сецессиона. Живописец постепенно освобождается из плена романтических грез и сентиментальных иллюзий. В его работах появляется обеспокоенность, напряжение, вибрация цвета. Еще не ясные предчувствия меняют отношение художника к окружающей действительности. Постепенно уходят из его поля зрения идеалистические образы. Мы видим эти изменения в автопортретах Бекмана, тонко передающих смену настроений автора. Очевидно, что определенные

разочарования и тревогу испытывают в это время многие его товарищи по цеху. Это особенно заметно в творчестве родоначальников немецкого экспрессионизма – Эрнста Людвиг Кирхнера, Карла Шмидта Ротлуффа, Эриха Хекеля, Макса Пехштейна – основателей группы «Мост», у художников, входивших в объединение «Синий всадник», среди лидеров которого были русские мастера Василий Кандинский, Марианна Веревкина, Алексей Явленский. Начало XX столетия озаменовано штурмом «зияющих высот» искусства прошлого. Кубисты и фовисты, экспрессионисты и футуристы создавали новые произведения, в которых главным были выражение индивидуального переживания и ощущения, самостоятельная сущность творческой работы, а не зеркальное, внешнее подражание натуре.

Наряду с другими немецкими художниками Бекман находит новые темы и образы в калейдоскопе противоречивых явлений современной жизни большого города, о чем свидетельствуют показанные на берлинской выставке полотна, на которых представлены сцены и сюжеты, отражающие изменения отношения мастера к действительности, обостренное ощущение времени, его динамики. Ярким примером этого стали картины «Улица Тауенциен» и «Улица ночью», написанные в 1913 году.

Первая мировая война разрушила прежний мир художника. Бекман, как и многие его товарищи по искусству, был призван в армию. Ф.Марк, А.Макке, А.Вайсгерберг погибли на фронте, а Л.Кирхнер, О.Дикс, Э.Хекель, Г.Грос, М.Бекман возвращаются с полей сражений совершенно другими людьми. Душевные потрясения военных лет внесли в их творчество драматизм и сарказм, новые содержательные доминанты, обнажили всю глубину человеческих страданий и мук, всю низменность и фальшь. Вырвавшись из этого ада, Бекман, один из немногих, продолжает активно работать. Он передает свое ощущение и понимание пережитого в особой гротескной форме. Еще в разгар войны, в апреле 1915 года, мастер пишет: «Я никогда не становился на колени перед Богом или еще кем-нибудь, чтобы добиться успеха, но я протиснулся бы сквозь все клоаки мира, вытерпел бы унижения и позор, лишь бы рисовать... Представление о форме, которое живет во мне, должно выйти из меня до последней капельки...»

Одним из ярких проявлений нового отношения к миру, понимания творческих задач явилось полотно «Ночь», созданное в 1918–1919 годах, ныне хранящееся в собрании Художественного музея земли Северный

Портрет Минны Бекман-Тюбе. 1924
Холст, масло. 140×69,5

Portrait of Minna Beckmann-Tube. 1924
Oil on canvas
140 by 69.5 cm

Синагога. 1919
Холст, масло. 90×140

Synagogue. 1919
Oil on canvas
90 by 140 cm

Рейн-Вестфалия, в Дюссельдорфе. На этой картине живописец выразил свое представление о насилии, зверстве и жестокости, присущих падшему человеку. Композиция ее построена из жестких геометрических членений, фигур и предметов, образующих душераздирающую сцену вандализма, в которой гипертрофированно подчеркнута ощущение аморальности, физической боли и уродства происходящего. Персонажи будто вырезаны контрастами цвета из плоскости холста, образуя некое подобие средневеково-

го рельефа. Тугой, напряженный рисунок придает изображению экзальтированный характер. Близок по восприятию к этой картине написанный в 1919 году пейзаж «Синагога» из галереи Штеделевского художественного института во Франкфурте-на-Майне.

Эти произведения – предостережения, символы человеческой трагедии, безысходности странного и таинственного мира, созданного воспаленным воображением Бекмана. Он все еще полон сомнений, душевных переживаний, неопределенности. В его памяти навсегда запечатлелись ужасы газовых атак, нервные потрясения не оставляют художника в покое, мучают кошмарами сновидений. Живя с 1917 по 1933 год во Франкфурте-на-Майне, живописец активно и целеустремленно продолжает работать, занимается преподавательской деятельностью, участвует в национальных и международных выставках. Часто зимний период он проводит в Париже.

В середине 20-х годов в его творчестве появляются явные признаки европейского неоклассицизма, но не они определяют главное направление искусства Бекмана, а мистико-иронические, гротескные импровизации на актуальные темы экстраполярной картины бытия. Он разрушает миф о гармонии мироздания, противопоставляя ему реалии суровой, безжалостной действительности. Работы художника становятся подобными притчам, тревожат душу, будоражат воображение, вызывают сложные, противоречивые чувства. Они то подобны витражам, то готическим рельефам, созвучны мощным аккордам органной музыки.

За неординарность, самобытность живописно-пластической системы и психологизм художник был удостоен

Alexander Rozhin

Engaged with Modernity

A personal exhibition of Max Beckmann (1884-1950), on show in the Old National Gallery in Berlin from December 2005 to March 2006, allowed many visitors to rediscover the universe of one of the brightest representatives of German art of the first half of the 20th century.

Born in Leipzig, Beckmann studied at the Weimar Art Academy where he met Minna Tube, a kindred spirit and soul mate, who soon became his wife. One of the features of the exhibition in Berlin was to present the lesser-known works of Minna Beckmann-Tube, herself a talented painter and Beckmann's favourite model.

In 1903, wishing to broaden his horizons, Max Beckmann went on a trip to Paris and then to Geneva. After his return, he settled down in Berlin and participated actively in the art life of the German capital, becoming acquainted with such key figures as Max Liebermann and Lovis Corinth, founders of the Berlin Secession movement who influenced many of his early works. Beckmann was noticed and soon became well-known in German art circles. In 1906, Beckmann, the painter of expressive and to a certain degree sentimental portraits and of vivid and lively landscapes, was awarded the Villa-Romana prize and a scholarship to travel to Florence. In 1910, he was elected to the executive board of the Berlin Secession. At about the same time, Beckmann's first exhibition was organised and a monograph devoted to his work was published. However, Beckmann felt the limitations of the declining style and became disappointed in those whom he had recently admired, and in 1911 he resigned from the board of the Berlin Secession. The artist gradually rejected romantic dreams and sentimental illusions, and his works of the period betray anxiety, tension and colour vibration. Visions of a future, though yet unclear, changed his attitude towards the world around him: idealistic images steadily disappeared from his works, a factor well illustrated by Beckmann's self-portraits presented at the exhibition. It seems that many artists of the period experienced similar disappointment and anxiety. These emotions are noticeable in the works of Ernst Ludwig Kirchner, Karl Schmidt-Rottluff, Erich Heckel and Max Pechstein, founders of German expressionism and the "Bridge" group, as well as in the art of the "Blue Rider" painters, among whom were such Russian artists as Vasily Kandinsky, Marianne von Were-

Натюрморт с тремя стаканами. 1944
Холст, масло
95×56

Still-life with Three Glasses. 1944
Oil on canvas
95 by 56 cm

fkin, and Alexei von Jawlensky. The early 20th century was marked by a vigorous rejection of the ideals of the past. Cubists, fauvists, expressionists and futurists were creating new works of art emphasizing the personal feelings and individuality of artists whose aim was to create their individual universe and not simply to reproduce past models.

Like other German painters, Beckmann found new themes and images in the kaleidoscope of contradictory events as Vasily Kandinsky, Marianne von Were-

played at the Berlin exhibition illustrate the artist's changing attitude towards the world around him and his acute sense of time and change, for example "Tauenzien Street" and the "Street at Night" from 1913.

World War I ruined the world of which the painter was a part. Beckmann, like many artists, had to join the army. Franz Marc, August Macke and Alfred Weissgerberg were killed at the front, while Kirchner, Otto Dix, Erich Heckel, George Grosz and Beckmann himself returned home changed by the battlefields. Deeply affected by the war years, they introduced dramatic and sarcastic motives to their art, filling it with new dominant meaning, unmasking baseness, hypocrisy and the depths of human suffering. Back from hell, Beckmann, unlike others, continued to work hard. He tried to share his feelings and experience through a sense of the grotesque. In 1915, in the middle of the war, he wrote: "I have never kneeled before God or anybody else to achieve success, but I would go through cesspits, humiliation and shame to continue to paint ... The ideas of the form that lives inside me should go out to the very last drop ..."

One of the characteristic examples of this new attitude to life and art is "Night", created in 1918-1919 and belonging to the Kunstsammlung Nordrhein-Westfalen in Düsseldorf. The painting represents the artist's vision of violence, bestiality and cruelty proper to fallen man. Its composition consists of geometrical lines, figures and objects that together depict a harrowing scene of vandalism and emphasise the feeling of tragedy, physical pain and ugliness. Because of its contrasting colours, the characters are distinguished and seem to be cut out against the surface of the canvas and resemble medieval reliefs. Intense drawing adds to the tension. "Synagogue", a landscape painted in 1919 and displayed in the Städel Art Institute in Frankfurt, creates the same effect.

These works serve as a warning and provide symbols of human tragedy; the strange and mysterious universe created by Beckmann's horrified imagination has no exit. His paintings betray his doubts, anxiety and unease. The artist remembered the horror of the gas attacks, suffered a nervous breakdown and had nightmares. Living in Frankfurt from 1917 to 1933, he continued to work hard, taught art and participated

Две женщины. 1940
Холст, масло
81×61

Two Women. 1940
Oil on canvas
81 by 61 cm

Улица ночью. 1913
Холст, масло
91×71

Street at Night. 1913
Oil on canvas
91 by 71 cm

premiю Фонда Карнеги в 1929 году. Не будучи социально ангажированным, искусство Бекмана отмечено общечеловеческой значимостью благодаря острому чувству сопричастности мастера ко всему, что затрагивает интересы как отдельной личности, так и общества в целом, к тому, что с нами происходит. После прихода к власти нацистов в 1933 году и последовавшего за этим увольнения из Штеделевской школы, где, будучи профессором, он многие годы работал, мастер ненадолго перебирается в Берлин. В 1937 году из-за преследований Бекман вынужден был эмигрировать в Нидерланды.

Оставаясь верным своим принципам, мастер не отступает от них под ударами судьбы. Его полотна становятся все более пронзительными, наполняясь особым метафорическим смыслом. В это время им написан «Автопортрет в черном берете» и одна из знаковых картин «Шарманщик». В 1939 году художнику присуждают первую премию Международной выставки в Сан-Франциско. Скрываясь от фашистских репрессий в Амстердаме, он находится там фактически на нелегальном положении до самого конца войны. А спустя два года Макс Бекман получает приглашение из США на преподавательскую работу, вначале в художественной школе в Сан-Луи, а затем в художественной школе Бруклинского музея в Нью-Йорке. После переезда в Америку его творческая деятельность была отмечена еще одной первой премией – института Карнеги, почетным званием

Спящая. 1924
Холст, масло
83,5×125

Sleeping Woman. 1924
Oil on canvas
83.5 by 125 cm

доктора Вашингтонского университета. В конце жизни он был удостоен Гран-при Венецианской биеннале 1950 года.

В американский период Бекманом были созданы такие значительные, ныне широко известные произведения, как триптих «Персей», картина «Две женщины», полотно «Танго (Румба)», натюрморт с тремя стаканами, работа «Женщина со змеей», наконец, «Начало ритма», где мастер обращается к традициям африканской культуры, к этническим ее корням, избирая для сюжетной мотивации изображения особый ракурс, усиливающий брутальные интонации его живописи. Они впечатляют масштабностью мышления, многоассоциативностью содержания, монументальностью форм и активностью колористической партитуры.

Искусство Макса Бекмана, будучи по своему обособленным, глубоко индивидуальным, всегда оставалось в русле больших традиций немецкого экспрессионизма; развиваясь, оно обогащало художественную культуру XX века новыми образными красками, философской глубиной отношения к окружающему миру.

Берлинская ретроспектива наследия великого мастера показала сложную эволюцию творчества, образного мышления, стиля, высветила характерные стороны многогранного таланта Бекмана. В представленных на выставке автопортретах художника зрители могли почувствовать и понять эмоциональную, духовную трансформацию его взглядов – от юношеской, романтической озаренности и идиллической до умудренной опытом зрелости, ясности воззрений подлинного мыслителя и пророка. Его картины, графические листы вобрали в себя

драматические противоречия целой эпохи, предостережения и тревогу за судьбы нашей цивилизации. Своим энергетически мощным творчеством, живописно пластическими и образными открытиями Макс Бекман в чем-то предвосхитил новое понимание актуальности и социальной значимости

современного искусства. У него осталось немало последователей, среди которых мы прежде всего называем Георга Базелица и Бернхарда Хайзига, одного из лидеров сегодняшнего пост-экспрессионизма.

Во Франкфурте, в Ширн Кунстхалле с 3 марта по 28 мая открыта выставка акварелей и пастелей Макса Бекмана, значительно расширяющая наши представления о творческом диапазоне мастера.

in national and international exhibitions. He often spent winters in Paris. In the mid-1920s, the tendencies of European neoclassicism appeared in his works. However, they do not dominate Beckmann's art in which mystical, ironical and grotesque improvisations on important issues of human existence prevail. Beckmann shatters the myth that harmony reigns in the world, juxtaposing it with severe and pitiless reality. The artist's works can be read as disturbing parables which haunt the imagination and inspire complex and contradictory feelings. They resemble stained glass windows or gothic reliefs, and might even be compared to the power of organ music.

For his originality, unique artistic techniques and psychological insight the artist was awarded the Carnegie Prize in 1929. Without being socially engaged, Beckmann's art poses questions of general

importance for humanity; the painter is interested in what happens to the individual and to society as a whole.

After the Nazis came to power in 1933, Beckman, having been forced to resign his position at the Städel Art School where he had taught as a professor for many years, moved to Berlin. In 1937, he had to emigrate to Holland.

True to his principles, Beckman did not renounce them even in hard times. His paintings became even more striking and acquired new metaphorical meaning. At that time, he painted the "Self-portrait in a Black Beret" and the "Organ-grinder". In 1939, the painter was awarded the first prize at the San Francisco international exhibition. Up until the end of World War II, he was in hiding from the fascists in Amsterdam. Two years later, he was invited to the USA to teach art, first in St. Louis and then at the Brooklyn University Art School in New York. He

Ночь. 1918–1919
Холст, масло
133×154

Night. 1918–1919
Oil on canvas
133 by 154 cm

was once again awarded the Carnegie Prize as well as an honorary doctorate by Washington University in St. Louis, and a Grand Prix at the Venice Biennale in 1950.

During his American period, Beckmann created such important and well-known paintings as the "Perseus" triptych, "Two Women", "Tango (Rumba)", "Still-life with Three Glasses", "Woman with a Snake" and "Beginning of the Rhythm", exploring in the latter the traditions of African culture and its ethnic roots, choosing a perspective that emphasizes the brutal motives of his painting. All these works impress by their global vision, multiple allusions and rich colour scheme.

Max Beckmann's works, though unique and highly individual, reflect the main tendencies of German expressionism. It enriched 20th century art with new images and colours as well as with a deep philosophical attitude to the surrounding world.

The Berlin retrospective of Beckmann's work illustrated the complex evolution of his art, imagery and style, and helped to rediscover the characteristic traits of his multi-faceted talent. The self-portraits presented at the exhibition helped viewers to understand the emotional and spiritual changes that the artist went through – from the early romantic enthusiasm and idealism to the experienced maturity of a true thinker and prophet. His paintings and graphics reflect the dramatic contradictions of the whole epoch and betray warnings and anxiety for the future of our civilisation. In his energetic and forceful works, artistic search and discoveries Max Beckmann is a precursor of a new understanding of the social importance of modern art.

Beckmann had many followers among whom we can name Bernhard Heisig, one of the leaders of modern post-expressionism.

Шарманщик. 1935
Холст, масло
175×120,5

The Organ-grinder
1935
Oil on canvas
175 by 120.5 cm